ПИСЬМО.

Какой–то становой приставъ, донося о самоубійствѣ мѣщанина, писалъ:

«При освидѣтельствованіи оказалось: потолокъ, на второй половицѣ, прострѣленъ дырою, имѣя дѣйствіе свое при напряженіи на сѣверъ, ибо комната, при постройкѣ, расположена на востокъ. Зубы найдены частію близъ науличнаго окна; прочія–жъ челюсти, какъ–будто изъ головы вовсе изъяты.» — и проч.

Другой, какой–то грамотѣй, началъ рапортъ свой такими словами: «Въ предметѣ томъ, въ видахъ для соблюденія казеннаго интереса и проч.»

Скажите же, какой тутъ толкъ въ такомъ письмѣ и для чего писать такую белиберду, которую никто ни пойметъ? Можно быть и малограмотнымъ, коли кому не случилось многому научиться; а принялся писать, такъ не мудри, не

нарывайся писать такимъ языкомъ, какимъ ни кто не говоритъ и порядочные люди не пишутъ; не ищи приказныхъ оборотовъ, а напиши лучше просто, вотъ какъ бы ты сталъ говорить съ кѣмъ–нибудь; только старайся писать толкомъ, ясно, безъ путаницъ, чтобы самъ понималъ и другіе понимали. Пишешь начальнику — пиши какъ будто ты говоришь съ нимъ: вѣжливо, но безъ всякихъ вычуръ; пишешь товарищу, — думай, что онъ стоитъ передъ тобою, и ты ему разсказываешь; вотъ и все. Пусть не сокрушаетъ тебя книжное писанье, за сочинителями тебѣ не угоняться; никогда не заслужишь ты такой похвалы, какъ за простое, ясное письмо или донесеніе, гдѣ не по догадкамъ, а по прямому смыслу словъ твоихъ видно, что и о чемъ говоришь. Возьмемъ еще, для примѣра, рапортъ одного знакомаго мнѣ унтеръ–офицера, который былъ въ караулѣ и доносилъ о побѣгѣ арестанта.

«Находясь я, по приказу начальства, состоялъ въ караулѣ при восточной заставѣ, на 21 число сего мѣсяца, которая

гауптвахта и была занята мною со смѣной благополучно; но при наступленіи ночи, неизвѣстно отчего, по прошествіи перваго часа, заготовивъ подъ нарами подкопъ, оный, содержащійся на сей гауптвахтѣ, арестантъ Иванъ Непомнящій вылѣзъ съ намѣреніемъ побѣга; почему стоявшійся на притинѣ у окна часовой Фролъ Климовъ, вызвавъ немедленно караулъ, ударилъ его прикладомъ въ голову, не допустивъ до побѣгу; о чемъ къ вашему благородію честь имѣю донести, что оный арестантъ пришелъ за фельдшерскимъ присмотромъ въ чувство и содержится подъ строгимъ карауломъ.»

Унтеръ-офицеръ нашъ, какъ видите, исправенъ: арестанта не упустили; — а рапорты онъ писать не мастеръ. Отчего? не отъ того, что малограмотенъ, а отъ того, что хитритъ, что думаетъ: рапортъ писать надо по-писарски. А напиши онъ просто, какъ доносилъ объ этомъ случаѣ дежурному по караулу капитану на словахъ, такъ вышло бы вотъ что:

«Въ 1-мъ часу прошедшей ночи, часовой у арестантскаго окна услышалъ

стукъ подъ угломъ стѣны арестантской комнаты, а подбѣжавъ, увидѣлъ, что арестантъ Иванъ Непомнящій подкопалъ стѣну и вылѣзалъ изъ подкопа наружу. Часовой, Климовъ, закричалъ: караулъ вонъ, и осадилъ арестанта прикладомъ въ голову. Караулъ выскочилъ, я велѣлъ вытащить арестанта, который лежалъ безъ памяти, и отдалъ его, за особымъ карауломъ, фельдшеру наруки; затѣмъ осмотрѣлъ арестантскую: подкопъ былъ выведенъ изъ–подъ наръ, и какъ видно, надъ нимъ трудились уже давно. Арестантъ вскорѣ опамятовался, теперь здоровъ и содержится подъ строгимъ карауломъ. Имѣю честь о происшествіи этомъ вашему благородію донести.»

Прочитайте жъ разъ, другой, оба рапорта, да скажите, который толковѣе написанъ? а коли умѣешь говорить толково, зачѣмъ же безтолково писать? И неужто такой рапортъ, какъ первый, легче написать? — не думаю. Вѣрьте, ребята, не легче, а второй рапортъ написать не труднѣе; все это, какъ я говорилъ уже

напередъ, оттого такъ дѣлается, что, взявшись за перо, мы хотимъ похитрить да помудрить; да какъ мудрость большая намъ не далась, такъ изъ мудраго письма нашего и выходитъ одна безтолочь.